

а также юаньским пьесам (XIII–XIV вв.), посвященным восстанию Сун Цзяна. Известны названия 33 пьес такого рода, но сохранилось лишь шесть произведений, которые также впервые даны в русском переводе (с. 57–126).

В работе представлены достижения китайских ученых по исследованию романа «Речные заводи» (до 1980 г.) и разные мнения исследователей по поводу его авторства. Делая свою точку зрения об авторстве Ши Найяня, Пан Ин опирается исключительно на китайские источники, тем самым наглядно демонстрируя методiku китайской текстологической науки. В своей работе автор пользуется и методикой российской текстологической науки. Такое сочетание двух научных подходов делает монографию незаменимым пособием по текстологии китайского средневекового романа. Эта часть книги была защищена Пан Ином в качестве кандидатской диссертации в 1978 г., и в нее не включены последние работы по китайскому литературоведению.

Во второй части книги собраны ранее опубликованные статьи Пан Ина, в основном касающиеся рукописи романа «Ши тоу цзи», хранящейся в коллекции Института восточных рукописей РАН (ранее — СПбФ ИВ РАН). Текстологический анализ этого списка доказывает, что рукопись является автографом Цао Сюэциня. Пан Ин впервые в российской науке обратился к текстологическому исследованию романа, привлекая для этого несколько вариантов произведения. В статьях раскрываются проблемы новаторства художественного метода Цао Сюэциня и его связь с китайской литературной традицией, при этом Пан Ин выявляет историческую достоверность художественного мира, воссозданного в романе «Сон в красном тереме». Следует особо отметить статью «О табуированных иероглифах в списке романа „Сон в красном тереме“», в которой представлена методика датировки текста и решается вопрос авторства романа по наличию в нем табуированных на определенный момент иероглифов, входящих в имена императора или родоначальника семьи (с. 224–228). Подборка статей по текстологическому исследованию рукописи романа «Сон в красном тереме» является прекрасным пособием по использованию китайского метода изучения ранних текстов, основанного на детальном и

четком комментировании слов, иероглифов и их начертаний (с. 229–251).

При подготовке данной монографии составителем были сохранены цитаты из китайского текста, которые в свое время были вписаны в оригинал самим автором, известным своей каллиграфией. Наличие иллюстративного китайского материала в приложениях к первой части работы, а также к отдельным статьям во второй части станет наглядным пособием по текстологии и истории китайского романа.

Ю.В. Болтач

Ши Цзинь-бо. Си Ся шэуэй (Общество Си Ся). В 2 т. Шанхай: Жэньминь чубаньшэ, 2007. — 979 с.

Книга Ши Цзинь-бо — академика Академии общественных наук КНР в известной мере подвела итог не только его личному, более чем 40-летнему опыту изучения Тангутского государства Ся (Си Ся), но и достижениям всего китайского тангутоведения и тангутоведения за пределами Китая. Книга состоит из предисловия, введения, 23 глав и заключения. Написана она на базе китайских письменных источников, памятников тангутской письменности (автор широко использует оригинальные тангутские документы, написанные в основном скорописью и трудно поддающиеся прочтению), результатов археологических исследований на территории бывшего государства Ся, изучения пещерных храмов Дуньхуана, результатов работ зарубежных тангутоведов. Автор хорошо знает коллекцию письменных памятников Си Ся из мертвого города Хара-Хото, хранящуюся в Институте восточных рукописей РАН, многократно бывал в Ленинграде/Санкт-Петербурге и является одним из ответственных редакторов издания наиболее ценной части этой коллекции шанхайским издательством «Древняя книга» («Гуцзи чубаньшэ»).

Перечень глав: гл. 1. Этносы; гл. 2. Сельское хозяйство; гл. 3. Скотоводство и охота; гл. 4. Ремесла; гл. 5. Торговля и залоговое (заемное) право; гл. 6. Структура общества; гл. 7. Право; гл. 8. Чиновничество; гл. 9. Армия; гл. 10. Культура и образование; гл. 11. Искусство; гл. 12. Наука и техника; гл. 13. Религия и верования; гл. 14. Пища и питье; гл. 15. Одежда; гл. 16. Жилища; гл. 17. Ад-

министративное деление и транспорт; гл. 18. Браки; гл. 19. Женщины; гл. 20. Рождение и медицинское обслуживание; гл. 21. Погребальные обряды; гл. 22. Обряды и обычаи; гл. 23. Потомки Си Ся. Книга хорошо иллюстрирована.

Во введении — «Дансяны, Си Ся, пятьсот лет истории» рассказывается о переселении дансянов из современной Северо-Западной Сычуани на юг Ордоса, создании дансянского (тангутского) государства и излагается в общих чертах его история. Заслуживает внимания вопрос о наименовании Тангутского государства. Ши Цзинь-бо напоминает читателю, что современные Си Ся государства меняли свои названия: Сун и Великое Сун (Китай), Кидань, Ляо и Великое Ляо (кидани), Цзинь и Великое Цзинь (чжуржэни). Менялись наименования и государства тангутов. Основой было наименование города Сячжоу, в прошлом, за 600 лет до образования Си Ся, г. Тунвэньчэн, столица государства Великое Ся гунна Хэлянь-бобо. Кидани первыми дали основателю (Тай-цзу) тангутской династии Цзи-цяню титул вана государства Ся. Приняв в 1038 г. императорский титул, внук Цзи-цяня Юань-хао назвал свое государство Да Ся (Великое Ся). Да Ся го было тангутским наименованием государства. Название Си Ся вошло в употребление за его пределами с начала XI в. оттого, как полагает Ши Цзинь-бо, что оно находилось западнее Сун, Ляо и Цзинь. Это неофициальное название, которое сохранилось и до наших дней. Источники сообщают и другие наименования Ся: Да бай гао го (Великое белое высокое государство) и Бай гао Да Ся го (Белое высокое великое государство Ся). Существует несколько интерпретаций этого наименования. Ши Цзинь-бо придерживается традиционного, от наименования реки Бай (Белой), места происхождения предков дансянов. Он подчеркивает, что оно употреблялось только в пределах Тангутского государства и нет свидетельств использования его

во взаимоотношениях с Сун, Ляо и Цзинь. В Тангутском Кодексе середины XII в. Тангутское государство называется Ми го, Государством тангутов (*ми* — самоназвание Тангутов), по аналогии с Цидань го (Государством киданей).

Ценными являются хронологические таблицы царствования тангутских императоров, в особенности приводимые Ши Цзинь-бо их написания по-тангутски. Он касается непростой проблемы тангутов-сяньби, полагая, что в процессе совместной жизни сяньби стали частью тангутов. Ши Цзинь-бо справедливо подчеркивает, что тангуты-дансяны жили не только в государстве Ся, но были также подданными государств Ляо и Сун. Он выделяет особую роль китайцев в процессе образования и в жизни Тангутского государства. Говоря об этносах многонационального Тангутского государства, он не упоминает встречающихся в тангутских источниках *шаньгхо*, этническая принадлежность которых до сих пор не установлена. Они жили в горных районах на юге Ся, на границе с Тибетом, и были известны посевами гречихи.

Весьма информативны все главы, отведенные экономике Ся: сельскому хозяйству (включая важный раздел об орошаемом земледелии и оросительных каналах, часть которых сохранилась со времен Тан), скотоводству и охоте. Крестьяне платили поземельный налог натурой (зерном) и так называемый налог «травой». Ши Цзинь-бо трактует его как поставки соломы разных культур, объем повинности определялся вязанками. Хотя нельзя исключать и поставок настоящей травы (сена). Еще один вид повинности-отработки — привлечение на разные общественные работы. Ши Цзинь-бо замечает, что есть упоминания и о подушном налоге, и он прав в том отношении, что сведений о подушном налоге мало и ясности с практикой взимания этого налога нет.

Ши Цзинь-бо касается важной, особенно для работы с документами, проблемы оценки мер площади, длины, объема и веса, использовавшихся в Ся. Он склоняется к тому, что в Ся в основном использовались танские, а не сунские меры, и справедливо полагает, что этот вопрос должен быть еще доисследован.

Глава о ремеслах богато иллюстрирована находками керамики Ся, имевшей свою отчетливую специфику, изделий из бронзы, золота, серебра и железа. Указывается на богатство железорудных месторождений Ся и высокое мастерство тангутских кузнецов и оружейников.

В разделе о торговле, говоря о купле-продаже людей, Ши Цзинь-бо считает таковую «остатками рабовладельческого строя в тангутском феодальном обществе». Ши Цзинь-бо полагает тангутское общество «феодалным», когда есть знать и простолюдины, помещики и крестьяне, хозяева скота и пастухи. Строго говоря, в Тангутском государстве, как и в современном ему Китае, оформленных действующим правом в сословие помещиков в нашем понимании не было. И крестьяне и крупные землевладельцы представляли собой единую правовую группу «хозяев», «хозяев земли».

Я полностью согласен с тем, что пишет Ши Цзинь-бо об отсутствии в Тангутском государстве национальной вражды и равенстве прав лиц разной этнической принадлежности на службе.

Частное рабовладение было представлено в Ся лично несвободными людьми *пхинга* и *нини* (*пхинга* — мужчины, *нини* — женщины), что я полагаю близкой аналогией китайским танским *буцзой* и *кэной*. Это было домашнее рабство, *пхинга* и *нини* в памятниках права в ряде случаев упоминаются вместе с членами семьи, в собственности которой они состояли. Для Тангутского государства, помимо людей рабского состояния, было характерно массовое прикрепление производителей к местам производства и проживания, за самовольную смену которых наказывали смертной казнью. Часть таких людей, в особенности в государственных хозяйствах разного рода, можно было бы назвать государственными крепостными. Тангутское государство во многом выросло из недр танского Китая. И в нем, как и в танском Китае, основой господствующего класса было служилое сословие, гражданские и военные чиновники, армейские командиры. Ши Цзинь-бо отмечает сложность системы служебных рангов в Тангутском государстве. В сфере людей лично свободных имеющие ранг люди противостояли людям простым, не имеющим ранга. По многим причинам, даже при наличии великолепных памятников тангутского материального права, характеризовать точно и емко социальную природу такого государства, как тангутское, со сложным переплетением родоплеменных, патриархальных, рабовладельческих и крепостнических отношений, с воплощением, как и в Китае, господствующего

класса в бюрократии, при отсутствии в этих памятниках отдельно оговоренных прав родовой аристократии, очень трудно.

Рецензируемая книга во многом похожа на своеобразную энциклопедию по экономике, культуре и социальным характеристикам Тангутского государства. Она — большое достижение не только автора, руководимого им Центра по изучению культуры Си Ся при Академии общественных наук КНР, но и всего китайского тангтоведения, включая тайваньское. Ряды китайских тангтоведов ныне многочисленны, а география изучения Си Ся охватывает весь Китай. Академик Ши Цзинь-бо впервые отправился в Дуньхуан искать материалы о Си Ся осенью 1964 г. вместе с Бай Бинем под руководством проф. Ван Цзин-жу, ветерана первого поколения китайских тангтоведов 1930-х годов. Ши Цзинь-бо, Бай Бинь, Ли Фань-вэнь, Чэнь Бин-ин, ныне покойный Хуан Чжэн-хуа, более молодой Не Хун-инь были первым отрядом китайских тангтоведов, руководимых Ван Цзин-жу, которые резко двинули вперед изучение Си Ся в Китае, сделали его действительно массовым. Стимулировавшие этот прорыв тангтоведческие исследования в Японии и СССР, разумеется, массовыми стать не смогли. И данная книга и другие книги Ши Цзинь-бо, в частности «История буддизма в Си Ся», во многом определили и определяют и его личный успех, и впечатляющие успехи китайского тангтоведения.

Е.И. Кычанов

Васильева О.В. Нить жемчуга: Иранское книжное искусство XIV–XVII веков в собрании Российской национальной библиотеки. — СПб.: Российская национальная библиотека, 2008. — 132 с., 121 ил.

Издание персидской книжной живописи (миниатюр) всегда становилось заметным событием в научном мире. Миниатюра как один из наиболее ярких элементов иранской книжной культуры привлекала внимание не только искусствоведов, но и исследователей восточных рукописей, текстологов, этнографов, историков средневекового Ирана, многих образованных читателей в России и за ее пределами. То, что составители художе-